

СОЮЗНИКИ, ВУДРО ВИЛЬСОН И РУССКИЕ СОЦИАЛИСТЫ, 1918–1919

С.В. Листиков

Рассматриваются проблемы, возникавшие по ходу взаимодействия умеренного крыла русских социалистов, как части широкой антибольшевистской оппозиции, с союзниками и США. Интерес видных западных политиков, в том числе и президента В. Вильсона, к лидерам партий эсеров и меньшевиков представлен в контексте переживавшихся теми изменений, включая и фракционную борьбу и эволюцию идейных установок. Автор приходит к выводу, что в силу жестоких реалий Гражданской войны пути русских социалистов и западных партнеров разошлись, что в немалой степени определило поражение всего поправешего в последние месяцы 1918 г. антибольшевистского фронта.

Ключевые слова: союзники, президент США В. Вильсон, Гражданская война в России, антибольшевистское движение, меньшевики, социалисты-революционеры

The article examines the problems that emerged in relations between Russian moderate Socialists and the Allies and the U.S. within the broad anti-Bolshevik opposition. Interest in leaders of the Mensheviks and Social Revolutionaries by prominent western politicians, such as President Woodrow Wilson is examined in the context of changes experienced by those parties, including factional struggles and the evolution of their ideas. The author concludes that because of the harsh realities of the Civil War the paths of these Russian socialists and their western partners diverged and was a primary reason for the defeat of the anti-Bolshevik movement, which had become much more conservative by the end of 1918.

Key words: the Allies, President Woodrow Wilson, the Civil War in Russia, anti-Bolshevik movement, Mensheviks, Socialist Revolutionaries

DOI: 10.32608/1010-5557-2020-2020-99-116

В контексте широкого общественного интереса ко временам Гражданской войны и иностранной интервенции в России ученые ищут

Листиков Сергей Викторович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра североамериканских исследований Отдела региональных исследований. ФГБУН «Институт всеобщей истории РАН».

ответ на вопрос: как случилось, что сложившаяся и казавшаяся столь грозной коалиция антибольшевистских сил, опиравшаяся на поддержку стран-победительниц в Первой мировой войне, питавшаяся недовольством миллионов людей большевистским режимом, не смогла его сломить? Для решения проблемы важен учет противоречивого характера партнерства на переломе Гражданской войны в 1918–1919 гг. между западными демократиями, в том числе и США, и небольшевистской Россией. Причем наименее изученной представляется тема роли в этом взаимодействии партий левой ориентации, социалистов-революционеров (ПСР) и меньшевиков¹.

Нить русской политики президент США Вудро Вильсон потерял еще в период от Февраля к Октябрю 1917 г. «Поставив» на быстро утративших власть либералов (Г.Е. Львов, П.Н. Милюков, А.И. Гучков), он проиграл, а потом отверг и сторонников «спасения России» посредством утверждения военной диктатуры. Но главный просчет хозяина Белого дома крылся в том, что он не осознал исключительного влияния социалистических сил в общественно-политической жизни России и не доверял им, а потому отказался от сотрудничества с умеренными ради противодействия рвавшимся к власти большевикам во главе с В.И. Лениным². Их неприязня, как и отрицания начатого ими леворадикального социального эксперимента, президент США изначально не скрывал.

Лидер США В. Вильсон был привержен той идее, что русский народ весной 1917 г. сделал принципиальный выбор в пользу демократического пути развития. Но большевики умело воспользовались обрушенными на страну войной жизненными невзгодами и столкнули ее со столбовой дороги. Те силы внутри России, которые желали вернуть страну на февральскую стезю, Вашингтон не хотел оставить без под-

¹ О развитии социалистического движения в годы Гражданской войны в России см.: *Волубев О.В., Ильяшук Г.И.* Послеоктябрьский меньшевизм // История СССР. 1991. № 2. С. 32–51; *Гусев К.В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975; *Спирин Л.М.* Классы и партии в гражданской войне в России (1917–1920 гг.). М., 1968; *Сулов А.Ю.* Социалисты-революционеры в Советской России: источники и историография. Казань, 2007; *Тютюкин С.В.* Взлет и падение российской социал-демократии // Россия на рубеже XXI века. Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С. 298–313; *Его же.* Меншевизм: страницы истории. М., 2002; *Шубин А.* Социалисты в Российской революции 1917–1921 гг. // Карло Росселли и левые в Европе. К 100-летию со дня рождения. М., 1999. С. 91–126; *Его же.* Эсеры как российский вариант социалистической демократии // Мировая социал-демократия: теория, история, современность. М., 2006. С. 144–169; и др.

² Подробнее см.: *Ганелин Р.Ш.* Россия и США. 1914–1917: Очерки истории русско-американских отношений. Л., 1969. С. 154–403; *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 г. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М., 2006; *Saul N.* War and Revolution: The United States and Russia, 1914–1921. Lawrence, 2001. P. 80–185; etc.

держки. Понимая, что антибольшевистская коалиция вбирала разнородные силы — от социалистов до элементов правее кадетов, вильсоновисты в конце 1917 г. посчитали возможным поддержать финансами (через англичан) генералов А.М. Каледина, М.В. Алексева, Л.Г. Корнилова на Юге России³.

А все потому, что по мере развития кровавой междоусобицы «белые генералы» и подпиравшие их деятели консервативного политического спектра выходили на первые роли. Они отодвигали на второй план проигравших большевикам власть социалистов, пока не находивших себя в новых реалиях, но пытавшихся сохранить собственные убеждения. Эти деятели в силу своих идейно-политических предпочтений были наиболее симпатичны заокеанскому лидеру. Но русский посол во Франции В.А. Маклаков предупреждал западных политиков, что в критический момент их русские коллеги умеренного толка могут передрасться между собой, не найти в себе воли выступить решительно и призвать помощь Запада. Или такое обращение от их имени будет «так холодно встречено в России, что Америка его не послушает»⁴.

В России после событий 7 ноября 1917 г. и эсеры, и меньшевики отрицали действия большевиков, разрушавших надежды на преобразование страны согласно их идеям, устранявших политические институты демократии и строивших государство диктатуры пролетариата и политику «военного коммунизма», начинавших притеснения против политических оппонентов, включая и левые партии. В них же нарастала внутренняя борьба, поиск вариантов оппозиции большевистскому режиму или «собственной ниши» в антибольшевистском движении.

Партия социалистов-революционеров тяжело пережила выход из ее рядов левых, разгон Учредительного собрания, отвергла Брестский мирный договор как предательство большевиками интересов России в пользу Германии. Состоявшийся в Москве 7–16 мая 1918 г. VIII Совет партии взял курс на ликвидацию «большевистской партийной диктатуры». Руководству партии предстояло определиться и по поводу фактически начавшегося вмешательства союзников в России (высадка в марте–апреле первых контингентов на Севере и Востоке России и выступление Чехословацкого корпуса в мае). Лидеры эсеров в «Резолюции о международном положении» высказывались за создание правительства, опиравшегося на всеобщее волеизъявление граждан, и признавали за ним право призвать во спасение России военную помощь западных

³ Ганелин Р.Ш. Советско-американские отношения в конце 1917 — начале 1918 г. Л., 1975. С. 67–89, 118–122; Foglesong D. America's Secret War Against Bolshevism: US Intervention in the Russian Civil War, 1917–1919. Chapel Hill, 1995. P. 79–105; etc.

⁴ В.А. Маклаков — Послу в Вашингтоне, 23 апреля / 3 мая 1918 г. // Архив внешней политики Российской империи. Ф. 187. Оп. 224. Д. 3538. Л. 4. (Далее: АВПРИ.)

демократий для борьбы с Германией «в условиях и в формах, не нарушающих ни территориальной неприкосновенности, ни государственного суверенитета» страны. Такое «приглашение» объявлялось «не только приемлемым, но и желательным» в условиях «критического» военного положения России, поскольку из него было «почти невысказано выйти без всякой помощи» со стороны союзников и США.

В то же время партия считала «чреватой наибольшими осложнениями и опасностями для России» тот путь вмешательства, при котором ее участники будут рассматривать Россию «как страну безвластную или утратившую свой суверенитет в пользу Германии» и на этом основании они задумают «прибегнуть к оккупации тех или иных русских территорий для того, чтобы помешать их использованию в военных целях германского империализма»⁵. Располагая информацией о позиции широкого спектра мнений меньшевистских сил России, Б.А. Бахметев в послании В.А. Маклакову в конце апреля 1918 г. имел основания заявить: «Прихожу к несомненному и согласованному с Вами заключению, что иностранное вмешательство ожидается с нетерпением... От октябристов до социалистов-революционеров все согласны на японское вмешательство, если оно будет по поручению держав»⁶.

Из общей картины выпадало левоцентристское руководство партии меньшевиков, лидером которого в конце 1917 г. стал Ю.О. Мартов. Оно не допускало возможности полагаться на помощь держав Антанты для сокрушения власти большевиков, что несло бы угрозу и социалистическому потенциалу русской революции. Стратегический курс верхов партии, даже в условиях набравших силу репрессий со стороны большевиков, предусматривал последовательную и принципиальную критику всех антидемократических шагов их правительства – «при сохранении внешней лояльности к советской системе и отказе от вооруженной борьбы с нею». Такая линия борьбы с большевизмом, однако, встречала оппозицию со стороны правых меньшевиков, сторонников А.Н. Потресова. Они допускали возможность ради борьбы большевиками блокировки с любыми силами, не исключали и вооруженные методы⁷.

⁵ Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. 1900–1925 / Отв ред. В.В. Шелохаев Т. 3. Ч. 2. Октябрь 1917–1925 г. М., 2000. С. 390–391. (Далее: Партия социалистов-революционеров.); Шубин А.В. Эсеры как российский вариант социалистической демократии. С. 157–161; *Его же*. Социалисты в Российской революции 1917–1921 гг. С. 103–114.

⁶ Вашингтон – Послу (в Париже), 28 апреля 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. Оп. 524. Д. 3538. Л. 7.

⁷ Волобуев О.В., Ильяшук Г.И. Указ. соч. С. 37; Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917–1918) // Минувшее. 1991. № 4. С. 95–139; Тютюкин С.В. Взлет и падение российской социал-демократии. С. 310. Руководство меньшевиков предполагало не выходить за рамки идейных и политических «сражений» в борьбе с большевистской диктатурой, безрезультатно искало варианты избавить страну

На совещании 21 мая 1918 г. Ф. Дану и Ю. Мартову оппонировал от правых М.И. Либер. Он развивал их тезис о меньшей опасности Антанты для интересов международного рабочего движения и предусматривал возможность ориентации на нее в борьбе с большевизмом. На совещании, однако, возобладала точка зрения руководства.

Вильсон, испытывавший давление союзников по поводу участия США в интервенции, долго колебался, просчитывал «за» и «против». Вашингтон решился вступить в нее только в июне—июле 1918 г. Но когда американские войска высадились в августе—сентябре 1918 г. на Севере и Востоке России⁸, это подтолкнуло борьбу антибольшевистского движения, переживавшего период всплеска активности и успехов. В июле в Ярославле, Рыбинске, Муроме полыхнули кровавые выступления, организованные Б.В. Савинковым и Союзом защиты Родины и Свободы. На Востоке России, в мае — начале осени 1918 г., благодаря успехам наступления Чехословацкого корпуса и поддержке его эсеровскими, офицерскими, казачьими отрядами, а на Урале и в Поволжье — и рабочими дружинами, антибольшевистские силы распространили контроль на пространствах от Волги до Владивостока.

Процесс развития «демократической контрреволюции» выразился и в формировании на этой территории эсеровских правительств — Комитета членов Учредительного собрания (Комуч), Временного правительства автономной Сибири и Сибирской областной думы, Западно-сибирского комиссариата — в ряду с кадетскими правительствами⁹. В районах, охваченных антибольшевистскими выступлениями, правые меньшевики нередко поддерживали эсеров. Среди примеров вхождения меньшевиков в антибольшевистские правительства наиболее ярким стало появление в составе Комуча члена ЦК РСДРП И.М. Майского. За это ЦК партии, решительно отрешившийся от подобных действий, исключил Майского из своих рядов. Второго августа 1918 г. ЦК РСДРП объявил о недопустимости участия меньшевиков в антибольшевистских вооруженных выступлениях и правительствах, а 28 августа подтвердил эту позицию и отверг линию правых на сотрудничество с англо-франко-американскими интервентами.

от нее сначала на путях создания однородного социалистического правительства, затем — созыва и работы Учредительного собрания, позднее — оппозиции в рамках советской системы и организации движения уполномоченных заводов и фабрик.

⁸ См.: *Foglesong D.* Op. cit. P. 143–164, 188–230; *Kennan G.F.* The Decision to Intervene. London, 1958; *Fic V.* The Collapse of American Policy in Russia and Siberia, 1918. N.Y., 1995. P. 187–201; etc.

⁹ *Медведев В.Г.* Белый режим под красным флагом (Поволжье, 1918). Ульяновск, 1998; *Перейра Н.* Сибирь: политика и общество в Гражданской войне. М., 1996. С. 69–87; *Прайсман Л.Г.* Чехословацкий корпус в 1918 г. // Вопросы истории. 2012. № 5. С. 75–103; № 6. С. 54–76; *Шубин А.В.* Эсеры как российский вариант социалистической демократии. С. 161–163.

На деле, как свидетельствовал меньшевик, историк Б.И. Николаевский, все обстояло сложнее: «Когда эсеры встали во главе восстания, вспыхнувшего на Волге, в нашей (т.е. меньшевистской) среде не могло быть и речи о “протягивании руки” большевикам для борьбы против этого восстания». Даже в этот период Мартов считал, что «их программа в основе и наша программа», но он опасался перевеса в антибольшевистском стане сил реакции — что в значительной мере и оправдывалось¹⁰.

Двадцать седьмого сентября 1918 г. на совещании в Уфе в результате компромисса умеренно-социалистических и кадетских сил была образована Директория, или Временное всероссийское правительство во главе с правым эсером Н.Д. Авксентьевым. Для придания ему общенациональной значимости в его состав были включены кадет Н.И. Астров — от Юга России и народный социалист Н.В. Чайковский — от правительства Северной области. Программа Директории отвечала взглядам правых социалистов, ей удалось заручиться поддержкой командования Чехословацкого корпуса¹¹. А вот ЦК партии меньшевиков Директорию не принял¹².

С подачи русской дипломатии вопрос об отношении к Директории становился актуальным для союзников и США, побудив Париж и Вашингтон обменяться мнениями. Учитывая позитивный процесс консолидации вокруг «зародыша правительства» других центров власти в Сибири и на Дальнем Востоке, а также «экономических и этнических групп», наличие у Директории привлекательной программы, французы готовы были отнестись к ней с полным доверием, а также «оказать ей всяческую материальную помощь, которой располагают»¹³. США не были готовы идти так далеко, собирались лишь внимательно отслеживать ситуацию в Сибири¹⁴. Ставить вопрос о признании Директории оба правительства считали преждевременным.

¹⁰ *Тютюкин С.В.* Большевик: страницы истории. С. 487–490; Большевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона / Ред.-сост. Ю.Г. Фельштинский. Chalidze Publications, 1990. С. 38–42, 212. Правые меньшевики отметились активным участием в событиях в Ярославле, в подготовке антибольшевистских выступлений в Перми, Ижевске и Невьяновске.

¹¹ *Гармиза В.В.* Крушение эсеровских правительств. М., 1970. С. 184–204; *Перейра Н.* Указ. соч. С. 184–204; *Шубин А.В.* Эсеры как российский вариант социалистической демократии. С. 163. В состав Директории вошли эсер В.М. Зензинов, член Союза возрождения России, близкий к эсерам генерал В.Г. Болдырев, кадеты П.В. Вологодский и В.А. Виноградов.

¹² *Тютюкин С.В.* Большевик: страницы истории. С. 490.

¹³ United States. Department of State. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Russia. Washington (D.C.), 1937. P. 412–413.

¹⁴ *Ibid.* P. 425.

Но он оказался тесно увязан с другим аспектами «русского вопроса» — участия России в мирной конференции, борьбы с распространением большевизма на Запад и сохранения территориальной целостности Российского государства. Втянутый в дискуссию ближайшими советниками — Э. Хаузом и Р. Лансингом, президент США 20 ноября 1918 г. в письме госсекретарю выдавал сомнения: не будет ли разумным, с учетом «нынешнего, по крайней мере, временного расчленения России на пять частей — Финляндию, Балтийские провинции, европейскую Россию, Сибирь, Украину — дать России представительство за столом мирных переговоров, или допустить (на конференцию. — *С.Л.*) часть ее, признав Омское правительство и приняв его представителей?»¹⁵.

С учетом высказывавшихся и зарубежными, и русскими дипломатами и политиками оценок Директории как правительства слабого и слишком «левого», переворот 18 ноября 1918 г. для многих из них не стал большой неожиданностью. Посол во Франции информировал Омск о негативной реакции западных партнеров и предупреждал: случившееся будет «дурно истолковано», прежде всего, левыми силами в Европе. А потому «события в Омске, конечно, задержат официальное признание власти»¹⁶.

Переворот в Сибири (и только) свидетельствовал о нарастании консервативных тенденций в антибольшевистском движении. Происходило отстранение представителей «демократической контрреволюции» от активной политической роли в Сибири, на Юге¹⁷, а также и на Севере России¹⁸. Н.Д. Авксентьев в письме социалистам Юга России 31 октября 1918 г. указал на значимую роль в событиях в Омске

¹⁵ W. Wilson to R. Lansing, with enclosure, November 20, 1919 // The Papers of Woodrow Wilson / Ed. by A. S. Link. Vol. 53. Princeton, 1986. P. 136. (Далее: PWW.)

¹⁶ В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске, 19 ноября 1918 г. // АВПРИ. Ф. 187. О. 524. Д. 3517. Л. 319; В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске, 24 ноября 1918 г. // Там же. Л. 342; В.А. Маклаков — Министерство иностранных дел в Омске, 27 ноября 1918 г. // Там же. Л. 352.

¹⁷ Как отмечал известный российский исследователь В.Ж. Цветков, этот процесс развивался после переворота в Сибири и на Юге России, где левоцентристскому Союзу возрождения России удалось сохранить некоторое влияние в органах городского и местного самоуправления. Подробнее см.: *Перейра Н.* Указ. соч. С. 69–100; *Цветков В.Ж.* Белое движение в России. 1917–1922 гг. // Вопросы истории. 2000. № 7. С. 63.

¹⁸ Имеется в виду переворот в Архангельске 6 сентября 1918 г., совершенный группой военных (капитан Чаплин и др.). Была арестована большая часть членов социалистического Верховного управления Северной области и отправлена на Соловецкие острова. Под давлением западных дипломатов их вернули в Архангельск. Созданное 28 сентября Временное правительство Северной области, которое возглавил народный социалист Н.В. Чайковский, резко поправило: его костяк составляли кадеты и общественные деятели. См.: *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере. 1918–1920. М., 1993. С. 82–94.

и Архангельске английских «переворотчиков» — генералов Ф.К. Пула и А. Нокса¹⁹. Эсеровская газета «Дело народа» 20 марта 1919 г. в редакционной статье развивала мысль:

«В Архангельске — более чем двусмысленная роль английского командования при военном перевороте, кончившаяся “полюбовным” превращением и без того бледно розового правительства в новое окончательно слинявшее “правительство Чайковского”. Наконец, в Сибири — вечное сдерживание франко-английскими агентами революционно демократических поползновений и симпатий чехословацких войск, <...> подчеркнутая холодность к территории Учредительного собрания и ее правительству при такой же подчеркнутой симпатии и предупредительности к сибирской реакции. Таков краткий, но неприглядный итог первых опытов союзного “влияния” на территории России. Исключением служит Америка. Она, по крайней мере, не принимала активного участия в сближении с реакцией. Но не выпадала ли на ее долю слишком часто непрезентабельная роль умывающего руки Понтийского Пилата?»²⁰

«Дело народа» подметила двойственность позиции Вашингтона. С одной стороны, он как будто дистанцировался от поощрения союзниками антисоциалистических элементов русского противобольшевистского движения и снимал с себя ответственность за этот курс. А с другой — сам Вильсон, казалось, все же принимал эту линию поведения европейских партнеров, ее не порицал и собственной политики не предложил. Лидеры меньшевиков с негативными оценками действий западной дипломатии в России были солидарны²¹.

В условиях, когда Гражданская война приобрела характер непримиримой битвы между «красными» и консолидировавшими свои ряды «белыми», социалисты, по существу, оказались перед драматическим выбором одного из двух лагерей. Но они искали и новые ориентиры, переживая всплеск фракционных баталий и утрату доверия в народных массах²².

¹⁹ Партия социалистов-революционеров. С. 414.

²⁰ Там же. С. 428.

²¹ Меньшевики в 1918–1920 гг. / Отв. ред. З. Галили, А.П. Нанароков. М., 2000. С. 90. (Далее: Меньшевики в 1918–1920 гг.)

²² Процесс утраты влияния социалистических партий в «народной толще» в период Гражданской войны наглядно иллюстрировал состояние партии меньшевиков. После Февраля 1917 г. ее численность достигала 200 тыс. человек. Но уже на выборах в Учредительное собрание в конце 1917 г. меньшевики получили всего 3,2% голосов, т.е. в 7 раз меньше большевиков и в 12 раз меньше эсеров. В 1921 г. численность РСДРП не превышала 4 тыс. человек. Причинами стали и эволюция идейных установок партии, оказавшихся непригодными к условиям охваченной смутой России, и политические поражения ее

Один из лидеров эсеров Авксентьев полагал, что дело социалистов не было проиграно даже после образования в Сибири военной диктатуры. Перед умеренно левыми встала задача найти свой, «третий» путь между «Колчаком и Лениным», добиться демократизации антибольшевистского фронта. Провал подобных комбинаций, по признанию самого Авксентьева, вскоре стал очевиден. Он объяснял: «Самое главное, ни в Америке, ни в Европе мы демократии не нашли». «К глубокому своему горю, — продолжал лидер эсеров, — мы нашли здесь или большевистскую демократию, для которой большевики суть товарищи, русская революция есть большевизм; или, правда, антибольшевистскую, но в то же время антисоциалистически и антидемократически настроенную буржуазию. Для первых мы были реакционными, ибо доказывали, что большевики разрушили и демократию и социализм, и с ними надо бороться даже вооруженной рукой. А для других — полубольшевиками, ибо не лежали на животе перед Колчаком и говорили о демократизме»²³.

Неудача поисков лидерами эсеров центристского курса порождала рост в рядах партии левых настроений, которые руководству партии становилось все сложнее сдерживать. Резолюция «О текущем моменте и тактике партии», принятая 8 февраля 1919 г. на Конференции представителей организаций социалистов-революционеров на территории Советской России, решительно отвергала попытку свержения большевистской власти путем вооруженной борьбы, которая «при распыленности и слабости трудовой демократии и все растущий силе контрреволюции служит только на пользу последней». Тот же документ осуждал попытки западных держав «под предлогом помощи России или борьбы с анархией захватить своими войсками части территории России». «Прекращение интервенции держав согласия и немедленное очищение занятых территорий от их войск является единодушным требованием всей русской демократии», — говорилось далее в резолюции²⁴.

«Дело народа» в статье от 20 марта 1919 г. подхватывала идею: «Как нельзя более характерно, что ни о каких трениях и недоразумениях между союзниками и правительствами Колчака и Деникина не слышно»²⁵. Отказ эсеров от вооруженной борьбы против больше-

руководства, и репрессии как большевиков, так и белых. Действовали также и процессы деурбанизации, деиндустриализации страны, архаизации ее общественных структур, «растворения» рабочего класса в крестьянской и мещанской стихии. См.: *Тютюкин С.В.* Взлет и падение российской социал-демократии. С. 306–308, 310, 313; *Его же.* Большевик: страницы истории. С. 496; *Протасов Л.Г.* Всероссийское Учредительное собрание. М., 1997. С. 164.

²³ Партия социалистов-революционеров. С. 415.

²⁴ Там же. С. 420–421.

²⁵ Там же. С. 428.

виков и переход их к борьбе политической обосновывался нежеланием содействовать успехам «буржуазно-помещичьей реакции» и интервентов. А также тем, что ПСР в этот период еще могла действовать через относительно автономные кооперативные и профсоюзные организации. Большевики эти изменения линии ПСР оценили позитивно, партия была ими временно легализована. Но уже в конце 1919 г. с автономией профсоюзов и кооперативов было покончено, на социалистов-революционеров обрушились новые гонения²⁶.

Правая, контрреволюционная угроза воспринималась как главная и руководством РСДРП. Критикуя большевистские «политику террора и насилия над народом», «диктатуру одной партии», ЦК партии меньшевиков, однако, отверг идею ее насильственного свержения, поскольку в этом случае вместе с большевизмом была бы похоронена и сама революция²⁷. Руководство меньшевиков призывало социалистов всех стран решительно выступить в поддержку лозунгов: «Вон из России, свобода русскому народу устраивать свое будущее!»²⁸ Отметим, что в эту когорту врагов революции вполне вписывались и США с их фактическим участием в интервенции.

Позиция ЦК РСДРП была и реакцией на становившиеся все более резкими и принципиальными разногласия с правым крылом партии меньшевиков. На пике Гражданской войны оно сделало выбор, о чем говорили появившиеся в конце июля — начале августа 1919 г. тезисы «К современному положению». В них захват власти большевиками объявлялся началом контрреволюции и Гражданской войны. Правые меньшевики рассматривали русскую революцию как решавшую задачи буржуазного развития страны. А потому полагали, что пролетариату не следовало стремиться к свержению власти его классовых противников, которые несли с собой для России «возможности экономического возрождения, снятия блокады Европой и Америкой... Они вынуждены выдвигать демократическую программу, вводить политическую свободу с соответствующими учреждениями, провозглашая созыв национального Собрания».

На либеральных лидеров западных демократий, и прежде всего В. Вильсона, правые меньшевики уповали особо:

«Основное направление этой политики подтверждают принятые названными державами тезисы Вильсона, отношение к малым народностям на территориях Европы, создание Лиги наций, идею которой про-

²⁶ Шубин А.В. Эсеры как российский вариант социалистической демократии. С. 164–165.

²⁷ См.: Меньшевики в 1918–1920 гг. С. 38, 39, 42.

²⁸ Там же. С. 38; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. С. 492.

поведовал еще Ф. Энгельс <...>. Активное вмешательство столь значительной демократической силы, какой является Лига наций, может значительно облегчить внутренние столкновения и трения тех сил, которые организовали поход против большевизма и отвратили реакционные посягательства и попытки восстановления старой монархии, если бы таковые обнаружались. Она будет также весьма содействовать восстановлению единства России и урегулированию её отношений с соседними окраинными нациями, входившими в состав бывшей Российской империи <...>. Для свержения ига захватчиков мы вправе требовать помощи у международной демократии и социалистов. И социалисты Запада – во имя пролетарской солидарности – обязаны поддерживать это наше требование»²⁹.

Правые меньшевики открыто противопоставляли свою позицию линии руководства РСДРП, отвергали возможность сотрудничества с «коммунистической кликой». Звучал призыв к тесному сотрудничеству с западными демократиями и одобрению интервенции. Вильсонысты должны были помочь и большевиков свергнуть, и сдержать нарастание реакционных тенденций внутри русского антибольшевистского лагеря. «Верхи» РСДРП в долгу не оставались, решительно порицая линию правых за их готовность «приспособиться» даже к деникинской диктатуре «в фантастических целях ее демократизации» и в поощрении интервенции «союзными империалистами»³⁰. Между руководством меньшевиков, в связи с занятой им позицией активного участия в отпоре силам белогвардейцев и интервентов, и большевистскими вождями уже с начала 1919 г. наблюдалось потепление отношений и развитие контактов, включая и поиск выхода из тяжелейшего экономического ситуации, в которой находилась Советская Россия.

Так образом, после Омского переворота даже большая часть социалистов, которая искала свое место в антибольшевистском движении, отходила от него или рвала с ним, искала «свой путь» или даже пыталась «причалить» к большевикам. Разве что правые меньшевики дольше других сохраняли иллюзии по поводу возможности осуществить вильсоновские идеи во благо и России и всего мира.

Охватившие умеренно левых «разброд и шатание» уловили и попытались использовать русские политики кадетского лагеря. Для них все те, кто «правил бал» в России в 1917 г., кто говорильней и полумерами готовил пришествие страшной большевистской диктатуры, а позднее

²⁹ Меньшевики в 1918–1920 гг. С. 245–246.

³⁰ Из резолюции РСДРП «О деятельности некоторых членов партии в период оккупации Украины» от 30 августа 1919 г.; из Обращения ЦК РСДРП «К социалистам и рабочим всего мира» от конца февраля 1919 г. См.: Там же. С. 120–122, 259.

не нашел мужества ей решительно противостоять, утратили всякое право говорить от имени Отечества. В письме В.А. Маклакову кадет Н.Н. Львов утверждал:

«Но самое худшее – навязывание России со стороны союзников, в особенности Америки, демократической ориентации. Вся патриотическая Россия глубоко этим возмущена. Нужно же наконец понять, что в России нет демократии, что она не представляет из себя никакой реальной силы, все то, что выставляется у нас в виде демократии, это осколки революционных партий, о которые можно только уколоться и поранить руки, но которые ни на что полезное не могут быть годны»³¹.

Трудно сказать, надеялись ли политики вроде Н.Н. Львова склонить таких лидеров Запада, каким был В. Вильсон, отказаться от надежд на «безнадежных» социалистов и скорректировать курс реальной политики в расчете на решительную поддержку «белого дела». Но В. Вильсон, Д. Ллойд Джордж и другие западные политики, собравшиеся в Париж на начавшуюся в январе 1919 г. мирную конференцию, русских деятелей левого спектра примечать не переставали. Переговорщикам в условиях Гражданской войны в России нужно было понимание расклада сил в левом политическом лагере. Представший 21 января перед Советом десяти датский дипломат, посланник в России Х. Скавениус отнес эсеров к противникам большевиков. Он заявил, что партия быстро утрачивала завоеванное ранее революционной борьбой влияние. Скавениус объяснил это сначала неспособностью эсеров защитить Учредительное собрание, в котором они имели большинство, а позднее неудачами Народной армии (вооруженные формирования КОМУЧа. – *С.Л.*) в борьбе с большевиками на средней Волге (потеря Казани 10 сентября и Самары 7 октября 1918 г.).

После этого заявления Скавениуса Д. Ллойд Джордж показал, что в общих чертах темой «русских левых» тоже владел. Сославшись на информацию, «недавно полученную английским правительством», он заявил, что «меньшевики и эсеры уже начали сотрудничать с большевиками». По их версии основой такого взаимодействия стали опасения «восстановления монархии и прав крупных земельных собственников» в случае победы интервенции и белых военных³². Суть процесса британским премьером была схвачена верно.

³¹ Н. Львов – В.А. Маклакову, б / д. // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 285. Л. 57. (Далее: ГАРФ.)

³² United States. Department of State Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. Paris Peace Conference: in 13 vols. Washington (D.C.), 1942–1947. Vol. 3. P. 656–657, 662. (Далее: FRUS. PPC.)

Значимым для западных политиков было мнение некоторых русских социалистов умеренного толка, завоевавших репутацию решительных борцов с большевизмом и сторонников воссоздания демократической России. Нужно было сопоставить их понимание процессов в России с собственными. А также получить альтернативную точку зрения той, которую высказывали политики, ближе стоявшие к колчаковской и деникинской властям. А то и для того, чтобы переговорщики в Париже, выразив благоволение русским левым, могли «поставить на место» их более консервативных товарищей из кадетского лагеря. Тем самым Державами вносился раскол в ряды антибольшевистского движения, оно ослаблялось в угоду курсу собственной «русской политики», не в последнюю очередь с целью дележа «наследства» бывшей Российской империи и подталкивания процессов ее распада.

К числу тех политических фигур, которым на Западе симпатизировали, относился Н.В. Чайковский (отметим попутно, что многие русские левые воспринимали его принадлежность к своему лагерю весьма скептически)³³. Едва ли можно считать случайным, что именно он был приглашен на заседание Совета четырех 10 мая 1919 г. при обсуждении лидерами Держав вопроса о признании Омского правительства. А вот определявшие «лицо» белой дипломатии крупные деятели – глава Русского политического совещания (РПС)³⁴ кн. Г.Е. Львов и выполнявший функции министра иностранных дел Омского и Екатеринодарского правительств С.Д. Сазонов, которому очень вредила репутация «бывшего царского министра», остались «за дверьми»³⁵. К числу привлекательных для Запада личностей относился и глава свергнутой Директории Н.Д. Авксентьев. Он и его соратники, эсеры В.М. Зензинов, А.А. Аргунов, О.С. Минор, В.В. Руднев, М.Л. Слоним, Е.Ф. Роговский для западных политиков естественным образом попадали в разряд оппозиционеров военным диктатурам Колчака и Деникина.

К этой группе примыкал и растерявший доверие западных политиков А.Ф. Керенский, мнением которого не пренебрегали при форми-

³³ В частности, в обращении ЦК РСДРП «К социалистам и рабочим всего мира» от конца февраля 1919 г. о Н.В. Чайковском говорилось как об «изменившем революции бывшем социалисте». См.: *Меньшевики в 1918–1920 гг.* С. 120.

³⁴ Русское политическое совещание было создано в конце 1918 г. в Париже белыми дипломатами и политиками для представительства России на мирной конференции. В январе 1919 г. оно образовало свой руководивший центр – Русскую политическую делегацию в составе: кн. Г.Е. Львов, С.Д. Сазонов, В.А. Маклаков, Н.В. Чайковский.

³⁵ Отметим, что Н.В. Чайковский весьма удачно справился со стоявшей перед РПС задачей представить ту версию развития Омской власти, которая намеревалась направить Россию по пути демократического развития. Во что В. Вильсону и Д. Ллойд Джорджу не очень верилось, о чем свидетельствовала дискуссия на Совете. См.: *FRUS. PPS. Vol. 5. P. 544–552, 560–561; Thompson J. Russia, Bolshevism and the Versailles Peace. Princeton, 1966. P. 295–296.*

ровании «русской политики». Все эти социалисты умеренного толка, исповедовавшие идеи, созвучные вильсоновским, в Париже объединились в Республиканскую лигу России. Занимая нишу левее РПС, группа умеренно левых принципиально от него дистанцировалась и не чуралась критиковать его действия³⁶.

Между тем взявшие на себя миссию формирования русского представительства в Париже на переломе 1918–1919 гг. русские дипломаты вполне улавливали свежие веяния в политике западных партнеров. В начале января 1919 г. в послании в Омск В.А. Маклаков формулировал задачу: «Общественное мнение союзников требует выявления демократической программы центров государственного объединения России. Без этого не получим сочувствия требованиям признания Правительства и полноправности представительства. Выявление это нужно и в составе нашего совещания. Наше правое крыло значительно сильнее левого». Ради «успокоения либеральной общественности всех союзников, особенно в Англии и Америке», дипломат вел разговор о вхождении в руководство РПС Н.Д. Авксентьева. Но если он туда не попал в силу противодействия Омска, то в его состав был введен страстный борец против царского, а потом и большевистского режимов Б.В. Савинков. Маклаков обосновывал выбор: «Французское общественное мнение встретило его очень сочувственно», его «позиция совершенно согласна с нами», у него «много сторонников и среди социалистов, и демократических радикальных элементов»³⁷.

Однако, несмотря на все ухищрения, серьезно изменить сложившийся у ведущих либеральных западных политиков, включая Вильсона, негативный образ РПС и стоявших за ним сил как весьма консервативных, скорее тяготеющих к реанимации «старой России», не удалось. В письме А.И. Деникину от 20 февраля 1919 г. Г.Е. Львов вполне удачно передал восприятие русских правительств лидерами западных демократий: наименее существенное, Архангельское, «не возбуждает сомнений в реакционности, главным образом, благодаря Чайковскому»; с Омским, после переворота 18 ноября «вызвавшим бурю негодования», «теперь мирятся», поскольку выяснилась позиция Колчака, опирающегося на демократическо-радикальные слои населения. Что же касается Екатеринодарского, то «оно прямо считается реакционным»³⁸.

³⁶ Mayer A. Politics and Diplomacy of Peacemaking. Containment and Counterrevolution at Versailles 1918–1919. London, 1967. P. 820–821.

³⁷ См.: Посол в Париже – на имя Верховного Правителя, 6 января 1919 г. // ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 265. Л. 115; Посол в Париже – на имя Министра Иностранных Дел, 19 января 1919 г. // Там же. Д. 115. Л. 4.

³⁸ Деникин А.И. Очерки Русской смуты. Кн. 3. Т. 4–5. Вооруженные силы Юга России. М., 2015. С. 345.

Русские социалисты весьма весомо напомнили о себе в Париже весной 1919 г. после удачно начатого наступления войск Колчака. У лидеров Держав возродились некоторые надежды на победу «белого дела», и они принялись серьезно обсуждать вопрос о возможности признании Омского правительства. Четырнадцатого мая А.Ф. Керенский, Н.Д. Авксентьев, В.М. Зензинов и ряд других обратились к президенту США В. Вильсону с посланием, утверждавшим: о построении нового, прогрессивного миропорядка, о полнокровной работе Лиги Наций и мечтать не приходилось без восстановления демократической России. Утверждалось, что развитие демократической составляющей антибольшевистского фронта, свидетельством чему стало создание Директории, было прервано организованными «реакционными элементами» — переворотами в Сибири и на Севере России. Это поставило созданные там правительства в один ряд с «диктатором Деникиным». Эти режимы, возникшие на «развалинах великой русской революции», Керенский и его «товарищи» подвергали самой серьезной критике.

Главной их рекомендацией лидерам западных демократий была та, что не следовало признавать правительства, носившие характер военных диктатур. А потому призыв РПС к признанию Омского правительства считался неуместным. Сначала Западу нужно было выдвинуть сибирской власти ряд предварительных условий, выполнение которых готовило бы следование будущей России по пути демократических преобразований. Это в будущем открывало бы дорогу к признанию ее странами Согласия и США. Речь шла о возобновлении работы представительных учреждений на местах, земств, которые даже в условиях Гражданской войны готовили бы почву для будущих судьбоносных выборов в Учредительное собрание, о восстановлении демократических прав и свобод граждан. Естественным дополнением к этому могли стать и реорганизация правительства на коалиционной основе, и осуществление земельной реформы.

От союзников русские социалисты ожидали продолжения политики «непризнания» большевиков, поддержки на пути создания единой демократической России при обеспечении широкой автономии и прав национальностей в ее составе, гуманитарной и продовольственной помощи народу — при условии, что ее распределение не окажется в руках большевиков³⁹.

³⁹ Декларация Керенского и Авксентьева, 16 мая 1919 г. Перепечатано из журнала «Великий Океан», 1919, № 2–3, 31 окт., г. Владивосток // ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 205. Л. 58, 58 об., 59; *From A. F. Kerenskii to W. Wilson. May 14, 1919* // PWW. Vol. 59. P. 150–156; *Thompson J. Op. cit. P. 291–292.*

Мнение Керенского и его единомышленников, естественно, встретило негативный отклик лидеров РПС, как создававшее серьезные препоны на пути признания Омского правительства. Ряды русских политиков в Париже оказались расстроенными, чем изошренные западные политики смогли умело использовать. Тем более что мнение «Керенского и ко.» о выдвижении Омскому правительству целой серии условий об обустройстве России на демократических началах в обмен на будущее признание Державами совпало с позицией многих видных американских и английских политиков и дипломатов — в частности исполнявшего обязанности госсекретаря Ф. Полка, посла США в Японии Р. Морриса. В результате послание глав Держав А.В. Колчаку 27 мая было составлено именно в таком ключе. Обмен документами между Парижем и Омском (его ответ последовал 4 июня) завершился обещанием союзников и США 12 июня 1919 г. предоставить помощь колчаковскому и другим антибольшевистским правительствам. Колчаку было даровано только «полу-признание»⁴⁰, и в таком исходе дипломатического торга роль русских социалистов была весьма весомой.

Подводя итоги, скажем: в 1918–1919 гг. участники антибольшевистского фронта в силу многих причин утрачивали веру в своих партнеров, что обрекало каждого из них в борьбе с укоренившимися, наливающимися силой большевиками или на поражение, или на поиски компромисса и длительное сосуществование с ними. Раскрывая эволюцию позиций разных отрядов умеренно левых, резко усилившуюся после Омского переворота, меньшевик, публицист Г. Аронсон признавал: эсеры не видели правительства, которое ставило бы перед собой задачу возродить в России демократию «ни на Севере, ни на Юге, ни на Волге, ни в Сибири». То же испытывали меньшевики, пережившие Гражданскую войну повсюду, — в Киеве, в Одессе, на Волге, в Сибири.

«С большой определенностью выяснилось, что в собирательном имени буржуазия или “цензовые элементы”, по терминологии февральской революции, демократический сектор оказался весьма слабым, что соотношение сил благоприятствовало перевесу реакционных элементов, неспособных противопоставить большевизму ни народные массы, ни даже вербующей эти массы пропаганды. На горьком опыте в этом очень скоро убедились и правые меньшевики. Позже к этому убеждению пришли те представители правых мень-

⁴⁰ Dispatch to Admiral A.V. Koltchak. Meeting of Council of Four, May 27, 1919 // PWW. Vol. 59. P. 543–546; A.V. Koltchak to George Clemenceau, June 4, 1919 // PWW. Vol. 60. P. 141–144; Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов / Отв. ред. Г.А. Трукан. М., 1991. С. 361; Mayer A. Op. cit. P. 818–823; Thompson J. Op. cit. P. 268–308.

шевиков, которые жили на территории большевистской революции и сами в гражданской войне не участвовали», — завершал Аронсон свои размышления⁴¹. Ведь даже главный идеолог правых меньшевиков А.Н. Потресов, с осени 1918 г. до весны 1919 г. входивший в Союз возрождения России, вынужден был признать тот факт, что «в центре всего антибольшевистского движения постепенно становились элементы реакционно-монархические»⁴². Нараставшее негативное отношение социалистов к «белым силам» распространялось и на их иноземных покровителей.

Либеральные лидеры западных держав, Вильсон и Ллойд Джордж, голоса умеренно левых слышали и пытались использовать. Но опереться на них не получилось в силу того, что партии меньшевиков и эсеров теряли поддержку в народе. Меньшая их часть оказалась «в обозе» сплывавших ряды «белых сил». Большая — переживала состояние внутреннего разлада с товарищами и поисков новых ориентиров вплоть до готовности сотрудничать с большевиками.

Так что либеральные вожди западных демократий оказались в одной лодке с тем «белым делом», которое, по их собственному убеждению, тянуло Россию назад, во времена дореволюционные. Британский премьер еще в мае 1919 г. вынужден был признать, что у западных демократий в России не было достойных партнеров и что им приходилось иметь дело либо с «сумасшедшими революционерами», либо с их непримиримыми врагами, которым «мы почти не доверяем»⁴³. Осознавая нарастающую силу большевиков и утратив веру в возможность их силового, «хирургического» устранения, Вильсон и Ллойд Джордж в январе—мае 1919 г. попытались наладить с «Лениным и товарищами» диалог (идея Принкипской конференции, миссия У. Буллита в Москву). А это было симптомом будущего согласия наиболее дальновидных лидеров Запада на долговременное «совместное проживание» со столь ненавидимым ими большевизмом.

Что касается «белого движения», то ему после катастрофических поражений Колчака и Деникина в 1919 г. оставалось пенять на недостаточную поддержку западных держав, указывать на слабое осознание их лидерами, прежде всего англосаксонскими, той страшной угрозы, которую нес «цивилизованному миру» выживший и укоренившийся в России большевизм. И в основе этого непонимания лежала шедшая от природы их восприятия мира привычка мыслить схематично,

⁴¹ Меньшевики после Октябрьской революции. Сборник статей и воспоминаний Б. Николаевского, С. Волина, Г. Аронсона. С. 215.

⁴² Тютюкин С.В. Большевизм: страницы истории. С. 489.

⁴³ Hankey's Notes of the Meeting of the Council of Four, May 20, 1919 // PWW. Vol. 59. P. 301–302.

без эмоций и «фантазий», без глубинного понимания чужих стран и естества проживавших там народов. Это не давало возможности на Западе ни умом Россию понять, ни сердцем прочувствовать, ни нутром проникнуть в суть происходивших в этой стране революционных, турбулентных процессов фундаментальной общественной перекройки, готовых выплеснуться за ее пределы. Об этом в феврале 1919 г. размышлял временный поверенный в делах в Великобритании К.Д. Набоков как раз на примере В. Вильсона: «Ни о России, ни о ее истории и психологии он и понятия не имеет, добросовестно считает, что “революция должна завершиться”, и что помощь всем тем, кто борется против большевиков, есть поддержка “реакции” в смысле возвращения к старому порядку. Убедить его нельзя»⁴⁴.

⁴⁴ К.Д. Набоков – П.В. Вологодскому, 16 февраля 1919 // ГАРФ. Ф. Р-200. Оп. 1. Д. 225. Л. 54 об.